

церковных, стремились к независимости и богатству, вынуждая жертвовать им частные и государственные земли, а вместе с ними и иммунитетные привилегии. Насаждение Карлом церковных привилегий закрепляло в умах церковников мысль о полной неотчуждаемости их имуществ. Епископы, сидевшие в крупных городах, получали огромную власть, зачастую в ущерб графам. Карательная власть епископов распространялась не только на клириков, но и на мирян. Это, смешивая круг действий епископов и графов, приводило к неизбежным раздорам между ними и постоянной путанице, разобраться в которой было не просто.

Глубокая вера в спасительность пожертвований церкви подготовила ее усиление в ущерб государству, с чем пришлось столкнуться не только преемникам Карла, но и ему самому. Его забота о спасении души непрерывно увеличивала церковные имущества;

монастыри, которые так заботливо насаждал император, располагали огромным количеством земли, многочисленным зависимым населением, разнообразными льготами. Так, аббатство Сен-Жермен-де-Пре имело 10 282 крепостных, обитель святого Мартина в Туре — 20 000. То были маленькие государства в государстве. Их правители, глубоко проникнутые сознанием своих прав и преимуществ, неохотно поступались ими в пользу государства и постоянно требовали новых уступок и дарений. И при этом вопреки многочисленным указам и требованиям Карла представители духовенства всех рангов отнюдь не давали мирянам примеров добродетели и бескорыстного служения Богу: они демонстрировали безнравственность и алчность, занимались ростовщичеством, увлекались псовой и соколиной охотой, носили оружие, пьянствовали и присваивали церковные и светские имущества.

Небезынтересно отметить, что сам Карл, яро боровшийся с симонией, был подвержен ей не в меньшей степени, чем папа, которого он критиковал. Хотя должности епископа и аббата считались выборными, император сам назначал и тех и других по принципу полезности для себя или личной симпатии; так, Алкуина он сделал аббатом монастыря святого Мартина